

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ.

Джураева Фарахбону Исматиллаевна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского государственного педагогического института

Абдунабиева Машхура Алимардоновна

Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического института

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательные модели имен существительных, содержащих суффиксы субъективной оценки. Анализирует прагматический потенциал диминутивов и аугментативов в современном русском языке, исследует их когнитивную природу и роль в формировании эмоциональной экспрессии текста. Особое внимание уделяется разграничению собственно грамматических и оценочных значений в морфологической структуре слова.

Ключевые слова: словообразование, суффиксы субъективной оценки, диминутивы, аугментативы, морфология, экспрессивность.

Словообразовательная система русского языка обладает уникальным инструментарием для выражения тончайших оттенков человеческого отношения к окружающему миру. Одной из наиболее выразительных подсистем в этом контексте выступают имена существительные с суффиксами субъективной оценки. В отличие от нейтральных словообразовательных моделей, где суффикс выполняет чисто классифицирующую функцию, здесь морфема становится носителем дополнительного коннотативного смысла, накладываемого на основное лексическое значение. Это создает многослойную семантическую структуру, где физический размер объекта (малость или величина) неразрывно переплетается с чувствами говорящего — любовью, пренебрежением, иронией или страхом. Если мы обратимся к художественным пересказам классических текстов, то увидим, что авторы используют суффиксы -к-, -ок-, -ик- не просто для описания маленьких

предметов, а для создания атмосферы интимности или, напротив, социальной дистанции. Вспомним описания быта «маленького человека»: каждая «вещица» в его комнате, каждый «уголок» пронизаны суффиксальной нежностью, которая подчеркивает хрупкость его мира. Однако та же морфологическая модель может трансформироваться: суффикс -ик- в устах высокомерного персонажа по отношению к чужому имуществу («домик», «садик») внезапно приобретает ядовитый оттенок пренебрежения. В этом проявляется функциональная амбивалентность русской морфологии: одна и та же модель может служить как для ласки, так и для уничтожения. Критики и исследователи словообразования, опираясь на труды Н.Ю. Шведовой, подчеркивают, что суффиксы субъективной оценки образуют особый разряд, где грамматика смыкается со стилистикой. Основная модель диминутивов (уменьшительных форм) строится на базе продуктивных морфем -ечк-, -очк-, -еньк-. Научный анализ показывает, что эти форманты не меняют денотативного значения слова (стол остается столом), но радикально меняют его прагматику. Как отмечал А.В. Бондарко, оценочность здесь выступает как функционально-семантическая категория, позволяющая языку экономными средствами передавать сложную гамму антропоцентрических смыслов [2, с. 81].

Интересно рассмотреть оппозицию диминутивов и аугментативов (увеличительных форм). Если суффиксы -ищ-, -ин- сигнализируют о чрезмерности («домище», «голосина»), то их морфологическая природа часто сопряжена с категорией рода. Исследователи указывают на то, что аугментативы часто заимствуют окончания других родов для усиления экспрессии. Пересказывая идеи лингвистической критики, можно сказать, что увеличительные суффиксы в русском языке — это инструмент «гиперболизации реальности». Они не просто указывают на масштаб, они выражают изумление или даже трепет субъекта перед объектом. В художественной ткани произведений использование суффиксов субъективной оценки часто выполняет роль «эмоционального камертона». Когда автор заменяет нейтральное «рука» на «ручонка» или «ручища», он мгновенно меняет дистанцию между читателем и героем. В первом случае возникает сострадание, во втором — ощущение грубой силы или угрозы. Эта

морфологическая игра является фундаментом русской экспрессивной лексики, позволяя языку оставаться живым и предельно личностным даже в рамках строгих грамматических правил. Углубляясь в анализ словообразовательных моделей, необходимо рассмотреть группу суффиксов с ярко выраженным уничижительным и пренебрежительным значением, таких как -ишк-, -онк-, -енк-. В отличие от диминутивов ласкательной направленности, данные форманты вносят в семантику существительного элемент деградации или социальной неполноценности. В морфологической системе русского языка модель на -ишк- («городишко», «домишко») демонстрирует уникальное взаимодействие категории рода и экспрессии: сохраняя грамматические признаки исходного слова, существительное приобретает оттенок жалости или ироничного отстранения. В художественных пересказах классической литературы этот прием часто используется для описания «неуютного» пространства: когда герой возвращается в свой «городишко», суффикс подчеркивает не только малый размер поселения, но и духовную тесноту, провинциальность, от которой он пытался бежать.

Лингвист Е.А. Земская в своих трудах по словообразованию указывает на то, что прагматика оценочных суффиксов крайне зависима от речевого акта. Она подчеркивает, что суффиксы субъективной оценки — это не просто «украшение» слова, а способ реализации позиции говорящего в координатах «свой — чужой» [5, с. 182]. Пересказывая идеи критиков, можно отметить, что использование, например, суффикса -онк- («душонка», «шубенка») в контексте описания врага или неприятного собеседника служит инструментом морфологической дегуманизации. Объект намеренно лишается своей значимости, он словно «сжимается» под воздействием грамматического форманта. Особого внимания заслуживает функциональная трансформация суффиксов субъективной оценки в современном медийном и разговорном дискурсе. Сегодня мы наблюдаем процесс «инфляции» диминутивов, когда суффиксы -к-, -чик- («кофейок», «заказик», «денежки») начинают использоваться в сфере сервиса для создания иллюзии дружелюбия. Однако исследователи, такие как В.В. Лопатин, предостерегают от упрощенного понимания этой модели. Морфологическая структура в данном случае выполняет защитную функцию: уменьшительность снимает ответственность,

делает транзакцию менее официальной и «серьезной». С точки зрения строгой грамматики, эти формы остаются в рамках литературной нормы, но их прагматическая нагрузка смещается в сторону этикетного лукавства.

Интересен также вопрос о суффиксах «ласкательности второго порядка», где происходит нанизывание нескольких оценочных морфем («солныш-к-о», «доч-еньк-а»). Каждая последующая морфема усиливает эмоциональное напряжение слова. Исследователи академической грамматики отмечают, что такая кумуляция суффиксов возможна только в русском языке благодаря его флективно-синтетическому строю. В художественном тексте избыточная диминутивность может служить маркером фальши или подчеркнутого инфантилизма персонажа. Здесь морфология становится инструментом психологического портретирования. Критический анализ словообразовательных моделей был бы неполным без упоминания категории «женскости» в оценочных суффиксах. Суффиксы -ш-, -их-, -ниц- при образовании феминитивов часто несут в себе скрытую или явную субъективную оценку, зависящую от социального контекста. Как указывал В.В. Виноградов, история русского языка знает периоды, когда суффикс -ш- воспринимался исключительно как маркер пренебрежения или указание на статус жены по мужу [3, с. 128]. Сегодня эти модели переживают ренессанс, сталкиваясь с новыми нормами политкорректности, что еще раз доказывает: суффикс в существительном — это наиболее чувствительный к социальным изменениям элемент морфологии. Словообразовательные модели существительных с суффиксами субъективной оценки представляют собой сложный механизм, где формальная морфология подчинена задачам коммуникации. Грамматическая категория оценки в русском языке позволяет не только измерять физический мир, но и выстраивать сложную иерархию ценностей. Благодаря этим суффиксам русский язык сохраняет свою уникальную антропоцентричность, где за каждым словом стоит живой субъект со своими страстями, симпатиями и предубеждениями.

Список использованной литературы:

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. — 367 с.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л.: Наука, 1987. — 348 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
4. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — 789 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
6. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. — М.: Наука, 1977. — 315 с.